

— Псевдоним — это не проблема, но ни в коем случае нельзя передавать черновики другим людям. Нельзя использовать статус Бай Кэфэя как старшекласника для маркетинга и продвижения. Бай Кэфэй в будущем станет великим режиссером, и у него сейчас нет времени играть с издательством.

Юй Дасюэ кивнул в знак согласия.

Бай Ифань продолжал говорить, и «обсуждение» превратилось в односторонний монолог.

Но в каком-то смысле учебное пособие все же содержало элементы редакторского заимствования, и Бай Ифань не мог быть спокоен. В следующие несколько дней он то заставлял Бай Кэфэя переделывать задания, то занимался вычиткой и версткой, а также постоянно беспокоил Ло Яньсяна.

Не жалея ни дня, ни ночи, они все же успели завершить конспекты для третьего класса средней школы перед возвращением в школу.

— Теперь все дальнейшие дела — это ваша забота, дядя.

В тот вечер, когда они вернулись в школу, Бай Ифань передал флешку своему дяде Юй Дасюэ, потер глаза и вместе с Бай Кэфэем и Чэн Ихао сел в автобус.

Бай Ифань, сев в автобус, обнял поручень и начал дремать, а выйдя из автобуса и вернувшись в общежитие, упал на кровать, не желая вставать.

Спать или не спать? Это не было вопросом.

Бай Ифань уже лежал пластом.

Сон его был беспокойным, он слышал, как кто-то говорит. Сначала в общежитии кто-то вернулся, и началась суматоха, потом кто-то дышал ему в ухо.

Бай Ифань пытался расслышать, но не мог, свернулся в клубок и пробормотал:

— Деньги, т, о, т, е, у, всеобщий эквивалент, император Цинь Шихуан унифицировал валюту, как могу я склонить голову перед властью имущими...

Се Суйчэнь промолчал.

В это время все уже ушли на вечернюю самоподготовку, и в общежитии 209 никого не осталось. Се Суйчэнь встал, огляделся и заметил, что ящик стола и шкафчик Бай Ифаня под номером 6 были плотно заперты. Се Суйчэнь пошел в свою комнату, взял тонкое одеяло и вернулся, чтобы накрыть Бай Ифаня.

Бай Ифань все еще что-то бормотал, но, прислушавшись, Се Суйчэнь понял, что это был диалект, который он не мог понять.

Но Се Суйчэнь все же сел на кровать и какое-то время молча слушал, с трудом разобрав фразу «большой краб», после чего тихо улыбнулся.

Бай Ифань спал как убитый, во сне он сидел на спине огромного краба, путешествовал по разным странам, вел себя нагло и хвастался. Однажды, дойдя до подножия горы, краб был схвачен группой злых людей, которые бросили его в горячий источник, чтобы сварить.

Бай Ифань запаниковал, бросился вперед, разогнал толпу и закричал:

— Нарубите имбирь, дайте мне немного уксуса!

Краб заплакал, и все перевернулось с ног на голову. Внезапно с неба упал золотой свет, словно божественное явление:

— Какие у тебя обиды? Расскажи, и я восстановлю справедливость.

Краб пожаловался:

— Я встретил этого человека, восхищался им, носил его на спине, путешествовал по странам, пробовал все деликатесы мира. Но, увы, этот обжора бессердечен, сегодня он решил сварить меня с имбирем и уксусом! Мое сердце разбито на кусочки.

Золотой свет сказал:

— Раз он хочет съесть тебя, то я накажу его тем, что ты съешь его.

Бай Ифань заворчал:

— Попробуй съесть меня, и я сломаю тебе все зубы!

Краб, не желая развиваться, заплакал еще сильнее:

— Прошу, великий бессмертный, пощади, его кожа слишком толстая, я не могу ее прокусить!

Золотой свет разозлился на его нерешительность:

— Ты просто не хочешь! Съесть его легко! Если ты откажешься, я накажу тебя, превратив в человека!

В этот момент с неба обрушились молнии, громяхая — они били прямо по панцирю краба.

Вареный краб вот-вот превратится в жареного!

Бай Ифань, охваченный болью, подбежал, чтобы проверить огонь:

— Полегче, полегче, не сожгите!

Как только Бай Ифань приблизился, из молнии протянулись две руки и схватили его.

Бай Ифань присмотрелся, и краба уже не было, а тот, кто его схватил, был одет в развевающиеся одежды, с аурой бессмертного, и это был не кто иной, как Се Суйчэнь!

Боже, краб превратился в человека!

Се Суйчэнь протянул руку и обнял Бай Ифаня, его свежий аромат распространился вокруг, и Бай Ифань почувствовал, будто упал в кучу чайных листьев. Затем этот человек тихо сказал:

— Просыпайся!!!

Бай Ифань резко открыл глаза, перед ним была доска кровати и круглое лицо Чи Тао.

— Фаньфань, сегодня диагностический тест, давай вставай.

Бай Ифань сел, тонкое одеяло в сине-белую полоску, выданное школой, соскользнуло с его груди. Хотя у всех были такие же одеяла, Бай Ифань с первого взгляда понял, кому оно принадлежало.

Бай Ифань схватил угол одеяла и спросил Чи Тао:

— Что случилось? Который сейчас час?

Его воспоминания остались на моменте, когда он вернулся в общежитие после автобуса. Как он оказался на следующем дне?

— Шесть пятнадцать. Ты вчера вернулся и сразу уснул, тебя было не разбудить. Ты пропустил вечернюю самоподготовку, но не волнуйся, староста, заметив твое отсутствие, специально вернулся, а потом пошел в класс и попросил за тебя отпроситься.

Бай Ифань почесал голову и зевнул:

— Как сегодня организован экзамен?

Чи Тао доложил расписание:

— Классный руководитель сказал, что на каждый предмет дается два урока, будут экзамены по китайскому, математике, английскому, физике и химии. Также уже есть расписание, староста сделал для тебя копию.

Бай Ифань промолчал.

Чи Тао продолжил:

— И еще учителя по предметам, классный руководитель вчера вкратце рассказал, сегодня экзамены будут проводить сами учителя, и староста...

В этот момент из ванной вышел Ю Чэн.

— Эй, спящая красавица проснулась.

Бай Ифань промолчал.

В общежитии остались только они трое, Бай Ифань быстро умылся, и они вместе пошли завтракать.

По пути они встречали одноклассников, и Бай Ифань постоянно получал их заботу.

— Фаньфань, проснулся!

— Фаньфань, все в порядке?

— Фаньфань, ты не спал, готовясь к экзамену?

— ...Что происходит?

Ю Чэн рассмеялся:

— Ты не можешь нас винить, вчера на вечерней самоподготовке староста, заметив твое

отсутствие, начал расспрашивать. Чи Тао сказал, что тебя не разбудить, староста выбежал, и все начали спрашивать, что случилось. Мне пришлось сказать правду.

— Значит, весь класс знает, что я спал как убитый и не мог проснуться?

— Именно.

Бай Ифань закрыл лицо руками:

— Хочу умереть, можно кого-нибудь убить, чтобы выпустить злость?

Ю Чэн подсказал:

— У обиды есть хозяин, твой враг — староста, только он слишком торопился и наделал шума!

Чи Тао, не понимая юношеских переживаний, спросил:

— Что будем завтракать?

Ю Чэн сказал, что хочет тофу и палочки, затем спросил:

— Фаньфань, а ты что хочешь?

Бай Ифань как раз поднял голову и заметил вдалеке на дороге группу людей, утренний свет очерчивал их силуэты, и среди них стоял тот самый человек.

— Хризантемы желтеют, крабы жирнеют, осень в самом разгаре, вареные крабы и шаосинское вино.

Ю Чэн и Чи Тао промолчали.

Кто-то проходящий мимо сказал:

— Завтракать крабами с утра, Бай Ифань, ты все еще спишь?

Ю Чэн быстро отреагировал, первым остановившись:

— Учитель Чэнь, доброе утро.

Чи Тао, запинаясь, последовал за ним:

— Учитель Чэнь, доброе утро.

Учитель Чэнь кивнул, затем повернулся к Бай Ифаню:

— Фаньфань, ты проснулся?

Бай Ифань пришел в себя:

— Проснулся, проснулся, я не буду есть крабов, я хочу яичную лапшу и два яйца.

Учитель Чэнь рассмеялся:

— Аппетит у тебя хороший, хорошо поешь, сегодня экзамен, постарайся. Если плохо сдашь, я тебе покажу. И вы тоже.

Все трое закивали, как цыплята, выражая решимость.

После завтрака они пошли в класс на утреннее чтение. Бай Ифань достал учебник английского и начал притворяться:

— Unit one.

В класс вошел учитель с квадратным лицом, неся стопку экзаменационных листов.

У этого учителя были густые брови, квадратное лицо, и он выглядел очень внушительно.

— Разве первый урок — не китайский?

— Утреннее чтение начинается уже сейчас?

— Может, это другой предмет?

В классе сразу же начались обсуждения, но больше все гадали, какой предмет преподает этот учитель.

Чэн Ихао повернулся:

— Держу пари, это учитель физики, две сосиски!

Син Мэйцзя сразу же ответила:

— Химия, четыре яйца.

— Вы оба ошибаетесь, одна куриная лапка.

— Черт! Жди.

— Как разделить одну куриную лапку?

Учитель бросил стопку листов на стол, отсчитал восемь групп и низким голосом сказал:

— Тишина.

Все сразу стали серьезными, ожидая начала. Чэн Ихао, Син Мэйцзя и Бай Ифань пристально смотрели на рот учителя.

Учитель раздал отсчитанные листы первой парте, поднял голову и увидел множество блестящих глаз:

— Не смотрите на меня, я ваш учитель информатики, этот экзамен — по школьным правилам, открытая книга.

Все промолчали.

Учитель информатики выглядит так внушительно, это нормально?! И зачем вообще экзамен по школьным правилам?!

Все начали возмущаться, но, тем не менее, передавали листы, писали свои имена и доставали «Справочник ученика». Многие не принесли справочник или вообще его выбросили, и начали искать помощи у друзей.

Бай Ифань видел, как сердца многих людей лежали в канаве, мечась и переворачиваясь. У Бай Ифаня справочник был, но внутри него тоже бегали ламы.

Большой лист, две стороны, шесть вопросов с короткими ответами — это еще куда ни шло, но пятьдесят вопросов с выбором ответа — где найти ответы на них?

<http://bllate.org/book/16710/1535838>